

*Куницкая Т.Г.
Минск, Белорусский государственный университет
Науч. рук. – канд. филол. наук, доцент Г.В. Синило*

ТЕМА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НАЦИСТСКОГО ГЕНОЦИДА В ПОЭЗИИ ИОГАННЕСА БОБРОВСКОГО

Иоганнес Бобровский (1917-1965) – немецкий писатель, чьи произведения, по словам Стефана Хермлина, «дышат братством». Это определение справедливо, потому, что Бобровский поднимает чрезвычайно важные и сегодня проблемы, касающиеся гуманности, ценности жизни и важности каждого народа в истории.

В творчестве Иоганнеса Бобровского особое место занимает военная тема. Именно через события Второй мировой войны, описание

ее ужасов, которые пришлось пережить самому поэту будучи солдатом, в полной мере раскрывается проблема вины и ответственности. Бобровский никогда не поддерживал насилия, но по воле судьбы ему довелось воевать в армии нацистской Германии. В это время он начал писать особенно много, и поэзия была его отдушиной. Вся боль поэта переливалась в строки, проникнутые отчаянием, болью, состраданием. Порой кажется, что ему удалось невозможное: в его строках слышен плач души. Бобровский отчаянно пытался предотвратить разрушения, бесчеловечное насилие, срывая операции, предпринимая попытки быть отозванным из армии. Черный след войны невозможно было стереть из памяти. Эта память заставляла поэта вновь и вновь переживать свою вину. Собственно, искуплению этой вины он во многом и посвятил свое творчество. Как позже признавался Бобровский, все его творчество было следствием «военной контузии» – невероятно сильного чувства вины. «Я пишу о вине – германской вине, и пытаюсь пробудить симпатию к литовцам, русским, полякам и другим народам» [8, с. 31]. Его творчество было чрезвычайно новым для своего времени, остро актуальным оно остается и сейчас.

Говоря об уникальности фигуры Бобровского в литературе, Вильгельм Гирнус писал: «Одни утверждают – его поэтические видения вызваны к жизни христианским импульсом, хотя ни одной строкой не говорит он об этом, “Группа-47” причисляет его к своим рядам, но никто не писал на нее столько таких острых, таких едких, уничтожающих эпиграмм, как он. Да и как мог именно он подчиниться литературной упорядоченности, он, сын крестьянской прямолинейности и простоты, современный потомок Донелайтиса и Гердера» [2, с. 221-222].

Иоганнес Бобровский не был поэтом, воспевавшим военные подвиги и битвы, но был певцом человеческого духа, гуманного отношения и сострадания. В этом плане его совершенно справедливо можно назвать продолжателем традиций Иоганна Готфрида Гердера, особой «гердеровской» темы – темы уважения и любви к «малым» народам, к восточным соседям немцев (см. подробнее: [6]).

Говоря о манере выражения Бобровским своих мыслей и переживаний, исследователи утверждают, что многое в литературе о недавнем прошлом Германии исходит именно от него; он призывает говорить на дружеском, понятном всем языке. Это тот словно бы общечеловеческий язык, который понятен всем: язык братского сочувствия, доброты, понимания. «Его приход в литературу был очень своевременным, его тема – остро актуальной, – пишет белорусская исследовательница Е.А. Леонова. – В стихах, рассказах и романах он за

короткий срок своей литературной деятельности успел показать основные пункты, на которых история сворачивала на ложный путь, приведший к установлению на немецкой земле фашистского режима» [3, с. 201].

Одним из стихотворений, с которых начался творческий путь Иоганнеса Бобровского, является «Новгородская София, 1941 год». Появилось оно тогда, когда часть, где писатель был связистом, командировали в Новгород, – город, который полюбил еще в детстве. Чувством ответственности и вины исполнено большое количество его произведений о Второй мировой войне, и в первую очередь рассказы «Пророк», «Темно, мало света», лирические стихотворения «Сообщение», «Гертруда Кольмар», «Памятный листок», «Кафедральный собор в 1943 году» и многие другие. Все они отличаются сжатостью формы, лаконичностью, точностью и в то же время удивительной эмоциональностью и яркостью. Очевидно, именно поэтому голландский критик и писатель Ад ден Бестен (один из первых, кто написал что-либо о личности и творчестве Бобровского), публикуя свою статью о писателе в протестантском журнале «Eckart», назвал ее «Deutsche Lyrik auf der anderen Seite» («Немецкая лирика с другой стороны»), отмечая тем самым поистине новое явление в немецкой литературе.

Одним из новшеств поэзии Бобровского, на наш взгляд, можно считать самое ее проблематику, особую тематическую направленность. Ярким произведением, отражающим новаторство Бобровского в этом плане, является стихотворение «Kaunas 1941» («Каунас в 1941 году»). Приведем оригинал и поэтический перевод выдающегося российского исследователя и переводчика Г.И. Ратгауза, первым открывшего поэзию Бобровского для читателей, читающих по-русски:

Stadt,
über dem Strom ein Gezweig,
kupferfarben, wie
Festgerät. Aus der Tiefe die Ufer
rufen. Das hüftkranke Mädchen
trat vor die Dämmerung damals
sein Rock aus dunkelstem Rot.
Und ich erkenne die Stufen
den Hang, dieses Haus. Da ist kein
Feuer. Unter dem Dach
lebt die Jüdin, lebt in der Juden
Verstummen,
flüsternd, ein weißes Wasser
der Töchter Gesicht. Am Tor

Город,
праздничным медным сияньем
ветви горят над рекой. Берега
зовут из глубин. В сумерках
хромая девушка вышла
в юбке из кумача.
И я узнаю ступени,
этот холм, этот дом. В доме нет
гня. Под этою кровлей
живет еврейка, она бессловесна,
как все евреи. Она
еле шепчет. Белы, как вода,
дочерей ее лица
бесшумно мы уходим в гнилом

lärmten die Mörder vorüber. Weich
gehn wir, im Moderduft,
in der Wölfe Spur.

Abends sahn wir hinaus
auf ein steinernes Tal. Der Habicht
schwebte
um die breite Kuppel.
Sahen die Stadt, alt,
Häusergewirr hinunter
bis an den Strom

Wirst du über den Hügel
gehn? Die grauen Züge –
Greise und manchmal die Knaben –
sterben dort. Sie gehn
über den Hang, vor den
jachernden Wölfen her.
Sah ich dich nicht mehr an,
Bruder? An blutiger Wand
schlug uns Schlaf. So sind wir
weitergegangen, um alles
blind. Im Eichwald draußen
mit der Zigeuner Blick
die Dörfer, hinauf um die Firste
des Sommers Schnee.

Tief im Regengesträuch
werd ich treten den Uferstein
lauschen im Dunst der Ebenen. Da waren
die Schwalben
stromhinauf und die Nacht
grün, die Waldtaube rief:
Mein Dunkel ist schon gekommen.

[1, с. 260–264]

тумане. Как волки, идем.

Вечером мы увидали
каменный дол. Плавал ястреб
над куполом мощным. Мы видели
древний город, плотный узор
улиц, спешивших к реке.

Ты хочешь взойти
на холм? Там серым потоком
движутся к смерти старцы
и дети. Они идут
по холму, а за ними беснуются
волки.

Я посмею ль взглянуть на тебя,
мой брат? У кровавой стены
сон сразил нас. Потом
мы дальше ушли, как слепые,
ничего не видя. В дубравах
цыганским взором глядели деревни,
летом на крыши
лег снег.

Под кустом густого дождя
я выйду на камень прибрежный,
увижу равнинный туман. Умчались
ласточки прочь, и зелена
ночь, гулит горлица:
«Вот и пришла моя тьма».

[1, с. 261–263]

Все стихотворение наполнено болью утраты; каждая смерть воспринимается автором как личная трагедия, как утрата кого-то из близких. Именно поэтому Иоганнес Бобровский с такой горечью пишет: «Ты хочешь взойти / на холм? Там серым потоком / движутся к смерти старцы / и дети. Они идут / по холму, а за ними беснуются волки / Я посмею ль взглянуть на тебя, / мой брат?» Поэт открыто называет братьями тех, кого заставили быть безмолвными, чувствует вину за то, что не в силах предотвратить беду, остро ощущает собственную причастность к происходящему, ведь он не смог ничего изменить.

Интересны художественно-изобразительные средства, избранные поэтом: это яркие сравнения (такие, как снег, что лег на крыши летом;

за ним угадывается пепел, устилающий все вокруг; люди, входящие в город, как волки в поисках добычи), иносказания (селения, что глядят цыганским взором, таким же отчужденным, полным немого укора), множество эпитетов, через которые выражает отношение автора к происходящему (например, «гнилой туман»). Именно такой автор видит тьму: ей предшествуют бледные, безмолвные люди, кровавые стены, пепел.

Есть в творчестве Иоганнеса Бобровского стихотворения, которые уже одним своим названием говорят о том, что автор обращается к памяти, вине человечества, заставляя людей переживать прошлое, которое стало горьким уроком и не должно повториться. Одним из таких стихотворений является стихотворение «Gedankenblatt» («Памятный листок»), посвященное памяти цыган:

Jahre,
 Spinnenfäden,
 die großen Spinnen, Jahre
 Es sind die Zigeuner gezogen
 mit Pferden den Lehm-pfad.
 Der alte Zigan
 kam mit dem Peitsche, die Frauen
 standen im Hof-foor, redend,
 in aufgebogenen Armen
 die Handvoll Glück.
 Später blieben sie aus.
 Da kamen die Würger
 mit bleiern
 Augen. Einmal, die Alte
 oben im Dach
 hat den Entschwundenen
 nachgefragt.
 Hör den Regen strömen
 über den Hang, sie gehn,
 die keiner mehr sieht,
 auf dem alten Lehm-pfad,
 eingehüllt in die stäubenden
 Wasser, Windkronen
 der Fremde
 über dem Schwarzhaar,
 leicht. [7, с. 19]

Годы
 как паутина,
 годы. Паучье время.
 Цыгане брели с лошадьми
 по глинистым тропам. Старый цыган
 шел с кнутом; цыганки
 останавливались у калиток,
 гадали, держа в ладонях
 полные пригоршни счастья.
 Потом они исчезли.
 За ними пришли душегубы
 с каменным взглядом. Как-то раз
 старуха, выйдя из тесной каморки,
 удивилась, куда пропали цыгане.
 Слушай, как дождь шумит
 над косогором: идут
 те, кто невидимы больше, –
 по глинистой древней тропе,
 залитой мутной
 водой. Ветер в кронах чужбины
 колышет пряди
 черных волос.
 (Перевод Е. Витковского) [5, с. 266]

Стихотворение наполнено горечью, неприятием всего антигуманного, воинственного, злого. Поэт верит в то, что все люди – братья, что нет «ненужных», «лишних» народов. Он с любовью вспоминает цыган, свободно кочующих; цыганок, держащих «полные

пригоршни счастья», готовых поделиться им с другими. Люди привыкли к такому укладу: никого не гонят, живут бок о бок. Но настало «паучье время». Как гром среди ясного неба врываются душегубы, которые не видят перед собой людей, а видят мишени. Взгляд их словно из камня: ни сожаления, ни человечности, ни любви. Последними строками автор призывает помнить исчезнувших: их тени все еще мелькают на лесных тропках, их шаги и голоса слышны в звуках дождя, слушая который люди должны чувствовать их, невидимых более.

Примечательно еще и то, что все стихотворения Бобровского – не сухая история фактов, не переложенная в стихи хроника событий, а лично пережитая трагедия. Именно поэтому в них слышится и так остро чувствуется вся боль утраты мира, единства и человечности.

Справедливо можно считать, что поэзия Иоганнеса Бобровского – это поистине новое слово в немецкой послевоенной литературе. Он вошел в нее стремительно и, к сожалению, так же быстро ее покинул. Тем не менее, ему удалось сделать за столь короткое время невероятно много. Пусть он не успел издать десятки томов своих произведений, зато он успел главное – сказать то, что принято было замалчивать. Бобровский оживил историю в своей поэзии, ведь вся лирика его наполнена голосами тех, перед кем он считал себя и свой народ виновными: людей, погибших в годы геноцида, племен, исчезнувших задолго до рождения самого Бобровского. И в этом его главное отличие на фоне своего поколения: когда часть немецкой молодежи, как заметил в своей статье «Красные розы Иоганнесу Бобровскому В. Гирнус, «стремилась отмежеваться от немецкого прошлого, не делая из него обязывающих выводов для настоящего и будущего, Бобровский отмечал: “Я убежден – нельзя отстраняться от национальной истории”» [2, с. 222].

Вторая мировая война и тема геноцида в поэзии И. Бобровского раскрываются в особом ключе: поэт создает «нерукотворный памятник» ушедшим, сохраняет их голоса, стремится пробудить человечность, поднимает вопросы гуманности и равенства всех народов.

Таким образом, всю свою жизнь, все свое творчество Иоганнес Бобровский посвятил воспеванию вечных ценностей, искуплению вины, причем вины не столько своей, сколько вины всего своего народа, своей страны, хотя во многом он был непричастен к трагическим событиям, ужасам и бедам, которые принес человечеству нацизм. Вспоминая об этом, в одном из писем Хансу Рике поэт писал: «Вот я стою в стихах, в униформе, очень заметный. Я хочу большое трагическое положение дел в истории взвалить на свои плечи, скромно и для себя... И это

должен быть невидимый, может быть, совершенно бесполезный вклад по искуплению... исторической вины моего народа» (цит. по: [4, с. 53]). Сегодня с полной уверенностью можно констатировать, что Иоганнесу Бобровскому удалось: он внес неоценимый вклад в немецкую и мировую литературу как поэт особой темы, особой судьбы, как создатель особой лирики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Германский Орфей: Поэты Германии и Австрии XVIII-XX вв. / вступ. ст., пер., сост., примеч. Г.И. Ратгауза. – М.: Книга, 1993. – 448 с.
2. Гирнус, В. Красные розы Иоганнесу Бобровскому / В. Гирнус // Иностранная литература. – 1969. – № 2. – С. 221-226.
3. Леонова, Е.А. Иоганнес Бобровский / Е.А. Леонова // Немецкая литература XX века: Германия и Австрия. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 201-212.
4. Мельникова, И.М. Граница и структура лирического образа в творчестве Й. Бобровского / И.М. Мельникова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2008. – № 1. – С. 218-234.
5. Поэзия ГДР / сост. и критико-биограф. заметки об авторах Г. Ратгауза; предисл. и ред. переводов Л. Гинзбурга. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 480 с.
6. Синило, Г.В. Традиции Гердера, Клопштока, Гёльдерлина в лирике И. Бобровского / Г.В. Синило // Литература XX века. Итоги и перспективы изучения: II Андреевские чтения; под ред. проф. Н.Т. Пахсарьян. – М.: МГУ; МГОПУ, 2004. – С. 56-66.
7. Bobrowski, J. Im Strom: Gedichte und Prosa / J. Bobrowski. – Berlin: Wagenbach, 1989. – 96 s.
8. Bobrowski, J. Selbstzeugnisse und neue Beiträge über sein Werk / J. Bobrowski – Berlin: Union, 1975. – 427 s.